

тели, но на них утверждать послѣднюю. Законъ Христовъ— въ любви, но «проявлять любовь», говорится въ новомъ сочиненіи того же автора, «невозможно людямъ, непонимающимъ смысла жизни. Настроеніе любви представляется имъ не сущностью жизни человѣческой, но случайнымъ настроеніемъ» («Жизнь», 146). Вотъ еще подтвержденіе связи нравственности и догматическихъ истинъ.

Отрицая въ Богѣ личность, новое евангеліе, естественно, отрицаетъ и промыслъ Божій, или непрестающее попеченіе небеснаго Отца о чадахъ Своихъ—людяхъ: «Богъ не править нами, читаемъ въ новомъ евангеліи, но какъ сѣятель бросить сѣмена, а самъ и не думаетъ о нихъ»; и дальше: «Богъ, пока люди живутъ, не вступаетъ въ ихъ жизнь» (толков. Мѣ. XIII, 33). Да впрочемъ, какъ же и могла бы дѣйствовать въ жизни безличная идея? Какъ возможно ученіе о промыслѣ при отрицаемой личности въ Богѣ? Итакъ, послѣдователи новаго евангелія суть брошенные на произволь судьбы люди, которые, пока могутъ имѣть разумѣніе жизни, то живутъ имъ, но когда потеряютъ его, то уже никто и ничто не можетъ помочь имъ. Вѣра въ пострадавшаго за насъ Искупителя, молитва Ему о помощи для нихъ недоступны; напротивъ, они прямо учатъ, что молиться не надо вовсе, а нужно служить Богу добрыми дѣлами.

Но если православное представленіе личнаго Бога дѣйствительно благодѣтельнѣе для нравственной жизни, то можетъ быть оно неудобопріемлемо для мысли, можетъ быть послѣдняя только и можетъ примириться съ ученіемъ о безличной, абсолютной любви, о высокомъ разумѣніи жизни, вмѣсто Бога? Личная ли религія Церкви, которая не знаетъ разума безъ Разумѣющаго, любви безъ Любящаго, спасенія безъ Спасителя, возрожденія безъ Духа Освятителя, или ученіе новаго евангелія, исключающаго личность изъ нравственныхъ понятій—болѣе соотвѣтствуетъ истинѣ? Непосредственное наше сознаніе и философія всѣхъ школъ говоритъ, что нравственное тѣмъ и настолько отличается отъ всего, не входящаго въ область морали, что первое тѣснѣйшимъ образомъ связано съ идеей личности. Ни дереву, ни водѣ, ни представленію, ни чувству не могу я приписать никакого нравственнаго или противонравственнаго признака. «Нѣтъ ничего, что бы я могъ назвать добрымъ, говоритъ Кантъ, кромѣ воли личнаго суще-